

Предисловие

Кристина Гептинг — один из самых чистых и ярких голосов молодой русской прозы. Чуть ли не единственный автор, пишущий сегодня, она умеет балансировать на тонкой грани между экзистенциальным отчаянием и светлым оптимизмом, не скатываясь ни в одну из сторон. Ее дебютная книга — смешная, пронзительная и не смотря ни на что удивительно обнадеживающая — задает идеальный тон для разговора о современной России и ее обитателях. Если вам скажут, что «Плюс жизнь» — роман о жизни ВИЧ-инфицированных в нашей стране, не верьте: на самом деле это веселая и бесшабашная книга о взрослении, о первой любви, о понимании и принятии себя, о преодолении травмы — словом, о вещах универсальных и касающихся любого человека, независимо от возраста, пола и диагноза.

Г. Л. Юзефович

Часть первая

Мне так уютно среди женщин, которым за тридцать, ближе к сорока. Мне приятны их мягкие обиталища — бухгалтерии, отделы кадров. Чай, печенье, каталоги «Эйвон», тихонько играет какое-нибудь «Дорожное радио».

— Пиши автобиографию, — сказала мне одна из милых сотрудниц отдела кадров областной больницы и протянула разлинованный листок.

— А что писать-то? — спрашиваю. — И... это... Вы, может, забыли, но я санитаром устраиваюсь, а не главврачом.

— Ой, правда, а мы и не знали, — подхватывая мой шуточный тон, продолжает приятная женщина. — Так положено. У нас и санитары пишут: где и когда родился, кто родители, какое получил образование. В свободной форме. Только без ошибок постарайся.

— Да ладно, все равно это никто не читает, пиши что хочешь, — рассмеялась из-за дальнего стола другая кадровичка, совсем молодая.

Кристина Гептинг

Я пожевал казенную авторучку и принялся за дело.

Я родился 20 августа 1997 года. Город не пла- тил за свет в течение нескольких лет, и терпение энергетиков лопнуло. В тот вечер роды в роддоме принимали при свечах. Мою маму привезли туда с сильнейшими схватками в состоянии героиновой ломки — «Скорую помощь» вызвали прохожие. Вра- чи сразу заподозрили в ней ВИЧ-положительную — много их стало в последние годы. Рожать отправили в неработающую душевую. Врач и акушерка надели по две пары перчаток. Вскоре родился двухкило- граммовый я с признаками героиновой ломки. Меня перевели в детскую больницу, а маму оставили в ду- шевой.

Через пару дней пришел ее анализ на ВИЧ. Есте- ственно, положительный. У меня тоже нашли ан- титела к ВИЧ. Однако через месяц выписали из больницы — ломку перебороли, вес я набрал, что они еще со мной могли сделать?.. Сказали, надо верить в лучшее — что на самом деле я не заразился и ма- мины антитела к полутора годам уйдут.

Нас с мамой встречала бабушка. С цветами. Она, как и завещали врачи, верила в лучшее. Ради ребенка мама одумается, оставит наркотики и до- пишет диссертацию (до попадалова мама работа-

ла ассистентом на кафедре русской литературы XX века).

Но было не суждено. Мама умерла от передозировки, когда мне было три месяца.

Меня вырастила бабушка.

Мое детство — оно с запахом хлора. Бабушка мыла с хлоркой все, к чему я прикасался. Белье кипятила. И посуда у меня была отдельная. А еще она нашла себе масок из старых простыней. Без маски я ее почти и не видел.

В садик я не ходил. В школу меня бабушка все же отдала, чтобы никто не догадался, что я неизлечимо болен, да еще такой постыдной болезнью.

Сначала все шло хорошо, внешне я ничем не отличался, болел не чаще и не тяжелее других детей, пока вдруг в 7 лет не выяснилось, что придется пить лекарства — это было удивительно, что есть, называется, какие-то таблетки «чтобы не наступал СПИД». Таблетки мне понравились — разноцветные. Они внушали надежду, что я проживу не так уж мало.

Всю жизнь с того момента мне предстояло пить сначала пять, а сейчас, когда препараты стали совершеннее, две таблетки в день. Бабушка все удивлялась, что я жив на «этой химии». «Невозможно

Кристина Гептинг

жрать столько таблеток и долго жить», — говорила она.

Но все же умерла первой. Мне успело исполниться восемнадцать.

Я поступил в университет. Хотел в медицинский, но инфекционист в СПИД-центре, а это единственный человек, которому я доверяю, сказал, что с ежегодными проверками на ВИЧ для медиков я об этом могу забыть — нормально работать с моим диагнозом все равно не дадут. Поэтому пошел на биофак. И хоть выращивать ГМО-картошку и кукурузу по закону нельзя, корпеть над ними в лаборатории не воспрещается, что мне и придется после универа делать. Я не уверен, что это мое — быть ботаником. Наверное, поэтому и иду работать в морг. Буду подглядывать за медициной в щелочку.

— Что за ерунду ты тут понаписал?

— Так вы ж сказали, читать никто не будет. Да, это шутка, конечно, — заржал я. — Разве похож я на спидозного сына наркоманки?!

— Ну ладно, не похож, — услышал я голос молодой кадровички.

— Переписывай, — вздохнула приятная женщина.

Похоже, с такими кадрами они еще не сталкивались.

Я взял новый лист.

Спирин Лев Валерьевич, 1997 года рождения. Мать — Спирина Маргарита Александровна, преподаватель, умерла в 1997 году от внезапной остановки сердца. Бабушка — Спирина Вера Петровна, учитель младших классов, пенсионерка, умерла в текущем году.

Закончил среднюю школу № 28 и поступил в НГУ на биологический факультет.

Проживаю по адресу — ул. Декабристов, д. 110, кв. 88.

Эту биографию милые женщины одобрили.

Вы, конечно, уже поняли, что оба рассказа были правдивы.

* * *

Показать квартиру? Угловая хрущевка. Две плесневелые, плавно перетекающие друг в друга комнаты, по площади не маленькие, но вытянутые, как плацкартные вагоны.

Я живу в комнате, которую бабушка называла «библиотекой». В ней от прежней хозяйки, выжив-

шей из ума школьной директрисы, покончившей с собой, осталась туча книг — от пола до потолка.

Раз уж я взялся тут распинаться перед вами, сразу обозначу круг любимых писателей. Без них я бы сдох, честно. Слова-то дома было кинуть некому. А книга дает иллюзию общения, да и собеседник почти гарантированно — не дурак.

Ну конечно, Сэлинджер. Это вы, должно быть, могли заподозрить. И ничего с этим уже не поделаешь. Я тут прочел, что он сказал перед смертью, мол, «Над пропастью во ржи» — ошибка. Ну да, конечно. Ошибка. А ничего, что благодаря этой «ошибке» я, может, до сих пор жив? Иначе же таким, как я, нам только вздернуться. Ну, или как там, Холден? Оседлать атомную бомбу?

Потом — Вишневский. Упаси боже, не Януш Леон. Я про Вишневского Александра Александровича. Сероватая книжка «Дневник хирурга» с предисловием маршала Жукова. Прочитав ее, я и решил стать хирургом. Но ВИЧ рассмеялся мне в лицо. И ничего, что вируса в моем организме, благодаря лекарствам, и нет почти. Да и придумали же кольчужные перчатки — это такая суперштука, которая ни при каких авариях не даст мне заразить пациента. И все ведь это прекрасно понимают. Но нет. Мне можно только в морг. (Хотя и туда нельзя, на самом деле, просто анализ на

ВИЧ сдавать не обязали.) Я изо всех сил стараюсь, чтобы в моих словах не звучала вселенская обида, но получается что-то не очень, да?

Еще мне Библия нравится. Но только Новый Завет. Ветхий вообще не понимаю и того Бога я не знаю и знать не хочу.

А вот персонаж из Нового Завета — тот, конечно, мне симпатичен. Я уверен: если бы Иисус пришел в этот мир сейчас, то обязательно был бы ВИЧ-инфицирован. Гомосексуал, наркоман, распутник или просто сын ВИЧ-положительной Марии. (Кого вы там ненавидите, презираете или боитесь?) А что, ведь считали же его обманщиком, одержимым бесами, самозванцем — по тем временам самые страшные грехи...

Короче, я знаю, этот чувак — он на моей стороне.

* * *

Бабушка меня не любила.

Бывает так, что бабушка и любит, и не любит одновременно — ну, как у Санаева (вы меня простите за вторичность и ссылки на авторитеты, я же в первый раз что-то осмысленное пишу, и мне навыка не хватает), а моя бабушка меня просто не любила.